

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 1826 ГОДЕ

28 [августа] рано поутру, я, оставив пехоту с 30 казаками, поехал рысью вперед. Хотя я много рисковал, но мне хотелось нагнать почту и большой караван, впереди меня шедший и ночевавший верстах в 9 от меня на Урухском редуте. Приехав сюда, я, к сожалению моему, не застал уже каравана и был принужден продолжать путь до привольного редута, называемого *Мечетьской*. Там настиг я почту, караван и Грибоедова, выехавшего гораздо позже меня из Москвы ⁹³.

В Владикавказе я оставил свою коляску и 30-го числа выехал с Грибоедовым в двухместных дрожках, коими одолжил нас до первой станции майор Николай Федорович Огарев ⁹⁴. По мере того, как мы подвигались вперед, ущелье становилось теснее и теснее. Уже в Ларсе, в 25 верстах от Владикавказа, вершины гор по обеим сторонам дороги казались, готовы были упасть нам на голову.

В Коби к нам вошел добрый и благородный Ш[имановский], служивший в то время при Ермолове; он накануне выехал из Тифлиса и отправлялся в отпуск на четыре месяца в Москву, а потом во Владимирскую губернию. Счастливый человек! Вряд ли кто был другой в мире, коему в душе моей я более завидовал.

Мы расспрашивали его о приезде в Тифлис П[аскевича] *, которого Ермолов принял ласково. Грибоедов сказал нам при этом случае:

* Не принадлежа никогда к числу почитателей этого хитрого баловня судьбы, оказавшего однако своему отечеству немаловажные заслуги [sic], я всегда отдавал полную справедливость его при-

— Каков мой-то!.. как вы хотите, чтобы этот человек, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что *ниш* его проведет, и этот, приехав впопыхах, уедет отсюда со срамом.

Грибоедов столько же обманулся в своем пророчестве, сколько мы обманулись в нем самом. Этот даровитый писатель должен был бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной им в литературном мире. Он довольно долго служил при А. П. Ермолове и числился одно время советником при нашем посланнике в Тегеране Мазаровиче, человеку весьма полезном и способном. По представлению Ермолова, оценившего редкие способности Мазаровича, который был медиком, он был назначен первым постоянным посланником при персидском дворе. Грибоедову, незнакомому ни с какими формами, приходилось иногда, за отсутствием Мазаровича, писать бумаги в Тифлис, где они

мерному бесстрашию, высокому хладнокровию в минуты опасности, решительности, выказанной во многих случаях, и вполне замечательной заботливости его о нижних чинах; к сожалению, отсутствие обширного и просвещенного ума, недостаток возвышенного и твердого характера, старание окружать себя ничтожными льстедами и лидами, хотя и одаренными некоторыми способностями и со сведениями, но лишенными всякой самостоятельности, коих он преимущественно выдвигал и выдвигает вперед, — все это содействует его, по моему мнению, совершенно неспособным стоять во главе школы, в которой могли бы образоваться полезные военные люди. Ко всему этому надо присовокупить самонадеянность и заносчивость, достигшие невероятных размеров, примерное попечение приписывать себе все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги их и удаляя вскоре по одержании успеха тех из них, коим он, по общему мнению, был тем обязан, страсть, столь сильно ныне распространенная, прибегать в донесениях к вымыслам тысячи одной ночи, и некоторые другие большие пороки, — все это вынудило не одного благомыслящего, более или менее образованного и самостоятельного человека, уважающего свое собственное достоинство, удалиться с поприща, на коем возможны служебные с ним столкновения.

возбуждали в канцелярии Ермолова лишь смех. Ермолов, разумевший Грибоедова человеком, одаренным блестящими способностями, вполне приятным и любезным собеседником, почитал его, однако, совершенно бесполезным для службы. Алексей Петрович, неохотно увольнявший в отпуск людей полезных и усердных, дозволял Грибоедову отлучаться часто и на продолжительное время. Он, однако, очень любил Грибоедова и был в полном смысле слова его благодетелем; не говоря уже о всевозможном его внимании к знаменитому автору «Горе от ума», он оказал ему такую услугу, какую Грибоедов был вправе ожидать лишь от родного отца. Он спас его от последствий одного весьма важного дела, которые могли бы быть для Грибоедова крайне неприятны *. Память обо всем этом должна была бы оставаться неизгладимою в сердце Грибоедова, но, к сожалению, он, как [о]казалось, принадлежал к числу людей, для коих было незнакомо чувство признательности. Увлечшись честолюбивыми побуждениями, Грибоедов, подобно многим лицам, некогда облагодетельствованным Ермоловым, но тем не менее принявшим на себя постыдные обязанности, оплатил ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный в С.-Петербург, он был вскоре награжден чином надворного советника, получил довольно значительную сумму денег и вновь прислан на Кавказ, где его поведение не могло не возбудить во всех благомыслящих людях истинного удивления и сожаления; он стал писать приказы по корпусу и сочинять частные письма для своих новых благодетелей. Будучи отправлен во второй раз в Петербург для поднесения государю Туркманчайского договора, он сказал приятелю своему С. Н. Бегичеву:

* Все, мною здесь сказанное, сообщено мне лицами, заслуживающими доверия, которые были не только очевидцами этого события, но принимали в нем весьма деятельное участие.

— Я вечный злодей Ермолова*.— Он говорил около того же времени не одному мне следующее:

— П[аскевич] несносен, и я на сей раз не иначе возвращусь в Грузию, как в качестве посланника при тегеранском дворе.

Он был произведен в статские советники и, благодаря покровительству гр. Паскевича, получил желаемое назначение в Тегеран, где сделался жертвою своей ошибки. Действия** этого пылкого, несмотрительного и чересчур само-

* Мне это сообщил брат его, добрый и благородный зять мой Д. Н. Бегичев.

** Так как я в то время не находился уже более в Грузии, то я привожу здесь подробности, которые мне были сообщены многими лицами, заслуживающими доверия. Причину этих действий Грибоедова должно, сколько мне известно, искать в следующем: Грибоедов, невзирая на блистательные дарования свои, никогда не принадлежал к числу так называемых деловых людей; он провел довольно долго в Персии, где убедился лишь в том, что слабость и уступчивость с нашей стороны могли внушить персиянам много смелости и дерзости, а потому он хотел озадачить их так сказать, с первого раза. К сожалению, от уступчивости до настоятельных требований относительно гаремских прислужниц, некогда взятых в плен во время вторжения персиян в Грузию, — что заключало в себе, как оказалось, много оскорбительного для самолюбия этого народа, — было далеко. Настойчивость Грибоедова была необходима во всех тех случаях, где надлежало ему наблюдать за точным исполнением важнейших пунктов Туркманчайского трактата; в прочих случаях надо было обнаружить много ловкости, проницательности и осторожности, дабы не оскорбить понапрасну народной гордости персиян. Грибоедову, назначенному посланником в Персию, после наших счастливых военных действий, было легче приобрести влияние, чем Ермолову, отправленному туда в 1817 году. Невзирая на то, что этот последний прибыл в Тегеран после обещания, данного государем персидским послам, возвратить некоторые присоединенные к нам области, он выказал при этом случае так много искусства и энергии, что шах отказался от своих требований. В случае несогласия шаха, Ермолов, не могший поддержать своих представителей войском, которого в то время не было под рукой, что было неизвестно персиянам, нашелся бы вынужденным уступить. Невзирая на то, что всемогущий в то

любивого посланника возбудили негодование шаха и персиян. Он в лице шахского зятя Аллаяр-Хана нанес глубокое оскорбление особе самого шаха. Грибоедов, вопреки советам и предостережениям одного умного и весьма способного армянина, служившего при нем в качестве переводчика, потребовал выдачи нескольких русских подданных-женщин, находившихся в гареме Аллаяр-Хана в должности прислужниц. Это требование было, вероятно,

время Аббас-Мирза нисколько не скрывал своих к нам неприязненных чувств, Ермолов успел склонить шаха к уступкам. Ермолов, всегда выказывавший большое уважение к обычаям народов, с которыми ему приходилось действовать, внушил персиянам высокое к русским уважение, каким они даже не пользовались впоследствии, после наших успехов над ними. Мне говорил один значительный персидский сановник, что своевременная присылка войск в Грузию предупредила бы войну с персиянами, коих самонадеянность постоянно возрастала вследствие убеждения, что мы к ней не готовы и что мы можем противопоставить их полчищам лишь ничтожные силы. Наконец, самые действия умного и энергического Мазаровича, никогда не раздражавшего народной гордости персиян, были весьма поучительны для Грибоедова, который пренебрег, к сожалению, уроками своих предместников. Известно, что к Мазаровичу явился однажды армянин, некогда захваченный персиянами в плен; хотя этот евнух был помощником Манучар-Хана, хранителя сокровищ и любимца шаха, но он обратился к Мазаровичу с просьбой исходатайствовать ему позволение возвратиться к нам в Грузию. Так как это могло дать повод к различным обвинениям, потому что, в случае пропажи чего-либо наше посольство и армянин были бы подозреваемы в похищении шахских сокровищ, Ермолов советовал Мазаровичу убедить армянина отказаться от своего намерения; таким образом удалось предупредить большие неприятности. Подобным образом должен был действовать и Грибоедов. Я полагаю, что, вероятно, существовала возможность выручить пленниц без предъявления несвоевременных и оскорбительных для персиян требований; во всяком случае, надо было приискать средства к их выдаче, не жертвуя для того столь многими полезными и славными людьми. Если б, по причине существующих обычаев, невозможно было этого сделать тотчас, то не следовало явно нарушать их и тем возбуждать против себя жителей, но предоставить все дело времени.

предъявлено им вследствие ложного понимания вещей, а может быть, и с явным намерением доказать свое влияние и могущество при персидском дворе. Хотя шах видел в этом нарушение персидских обычаев, но, не желая отвечать на требование Грибоедова положительным отказом, он дозволил ему взять этих женщин самому; посланные в гарем конвойные привели их в посольский дом. Персияне, видевшие в этом явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому шаху и к существующим народным обычаям, взволновались. Вскоре вспыхнуло возмущение, — вероятно, не без одобрения шаха; около 40 человек наших было убито, в том числе весьма много полезных лиц; спасся один М[альцов] с двумя слугами, вследствие особенного к нему расположения каких-то персиян, которые спрятали его где-то на чердаке. Персидский караул, не желая сражаться против своих, заперся *. Так окончил жизнь наш знаменитый писатель, который мог бы еще долго и с большею пользой подвигаться на литературном поприще; находясь с ним долго в весьма близких отношениях, я, более чем кто-либо, был глубоко огорчен его действиями в течение 1826 и 1827 годов. Грибоедов, терзаемый под конец своей жизни бесом честолюбия, заглушил в сердце своем чувство признательности к лицам, не могшим быть ему более полезными; но зато он не пренебрег никакими средствами для приобретения полного благоволения особ, кои получили возможность доставить ему средства к удовлетворению его

* Однако, шах, испугавшись последствий этого события, решился послать в С.-Петербург значительное лице для принесения извинений. Так как в Персии все были убеждены, что наше правительство не замедлит предать в свою очередь смерти высланного сановника и его свиту, то решено было избрать для этого предмета Хозрева-Мирзу, который был не что иное, как *чанка* или побочный сын шаха⁹⁵. Хозреву-Мирзе, впоследствии ослепленному, сделан был, напротив, у нас в России блестящий прием, на который он по своему рождению не имел никакого права и который явно доказывал, сколь мало у нас были известны обычаи Востока.

честолюбия; это не мешало ему, посещая наш круг, строго судить о своих новых благодетелях.

Тяжело разочароваться на счет кого бы то ни было, но еще тяжелее относительно личностей, столь щедро одаренных природой. Видя поведение Грибоедова, которого я так любил, я душевно скорбел. Я сожалел, что не мог быть в это время вдали от театра его деятельности, потому что имел бы утешение думать, что многое преувеличено завистью и клеветой; но я, к сожалению, должен был лично удостовериться в том, что душевные свойства Грибоедова далеко не соответствовали его блистательным умственным способностям ⁹⁶.
